

Иван Сатонин

**Хлеб наш
насущенный**

Челябинск
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
С21

Сатонин И.

С21 Хлеб наш насущный. Стихотворения. — Челябинск, 2012. — 108 с.

© Тоскалёв Ю. В., 2012.

© Ряхов С. А. оформление,
2012.

© Феркель В. Б., предисло-
вие, 2012.

Автор благодарит за финансовую поддержку
в издании сборника:

А. Н. Сыч, частного предпринимателя;
Н. Г. Вырупаеву, директора салона
«Художественные промыслы»;
своего брата В. В. Тоскалёва.

Также автор признателен художнику
С. Ряхову, Н. Аншуковой,
С. Королевой, Т. Рогожниковой,
оказавшим помощь в подготовке
и оформлении книги.

Отдельная благодарность Марату Рафикову,
который открыл мне мир высоких технологий.

Эти замечательные люди
не всегда разделяют мои взгляды,
но от этого их помощь еще более ценна.

...Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем
должником нашим; и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго.

Перед исходом

С творчеством Ивана Сатонина читатели уже знакомы. Его книга «Постскриптум» вышла в прошлом году. Что же новенького приготовил нам автор? В-первых, он утверждает что на идею новой книги его натолкнула поэма Владлена Феркеля «Дон Хамон». Загадка — там все про Испанию, а тут про Россию...

Там про глубинку и тут про глубинку, там о сложных отношениях с иудеями и тут мимо этой темы не пройти, там о глобальных переменах и тут о том же.

Однажды в ухе засвербило,
И захотелось перемен.

написал Феркель.

Жил себе Иван достойно.
Попивал — ну, был грешок.
А, как съездил в град Престольный —
ни-ни-ни, ни на вершок!
Насмотрелся, нагладелся:
слов по делу не найти.

Это называется — культурный шок. Как я понимаю автора. Не сиделось-то чего? Дома гумно, курочки, рига, овес, друзья-приятели... С другой стороны, пока

хозяйством занимаешься, с мужиками сигарки крутишь, жизнь проходит, новые государства рождаются, старые умирают в страшных корчах.

А в глазах моих усталость,
а в глазах сухая грусть.
Что же, Господи, осталось,
как молиться мне за Русь,
как взойти на тот пригорок!..
Я ль, скажи, не Моисей?..
Дальше — ближе, счастье — горе...
Босичком — да по росе!

Не может русский человек стоять в стороне, не имеет права. И вот втемяшилась герою, да и автору, похоже, одна мысль, что Путь России в свободе, как и путь евреев лежит через пустыню. Дескать, Моисей сорок лет по пустыне народ за нос водил, но к реке Иордан вывел, светлый путь показал. Ну, вымерли многие, если не сказать все, кто вышел. Зато новое поколение, свободное от рабской психологии, сегодня вон как живет — обзавидуешься.

Тогда получается, что все беды и неприятности, с которыми Россия-матушка никак не совладеет (имеются в виду дураки и дороги), посланы свыше иудейским богом Яхве (действительно, с иудеями получилось, пусть русские попробуют).

Есть, однако, несколько принципиальных различий. Во-первых. Хождения эти еще когда были? Тогда ни пограничного, ни таможенного контроля не знали. Сейчас попробуй без паспорта шаг ступить... То-то!

Во-вторых, иудеи в еде сильно разборчивы: то маца, то акриды какие-то, а где в России такое найдешь: у нас все просто: хлеб, соль, вода колодезная, ну еще лучку на соседском огороде пощиплешь. Опять же нет лучшей закуски, чем сало. Без него трудно.

В-третьих, и в самых главных! Иудеи по пустыне бродили? Так. А у нас где пустыня? Нету. В Советском союзе свои пустыни были, а в России пусто. Следовательно, чтобы водить народ по пустыне, выдавливая по капле раба (как, помнится, советовал Максим Горький), пустыню эту еще создать нужно. Только потом загнать туда народ и подождать сорок лет...

Так иль нет, а всё ж дождался:
семь ветров с семи сторон
враз подули... Легче, братцы!
Легче жить, когда в разгон.
И уже не поворотишь,
и уже не ты — она...
Открывай, Иван, ворота! —
на семи ветрах страна.

Каждому новому человеку — путевку в светлое завтра: кому в Израиль, кому в США, кому в Новую Зеландию...

Так что напрасно мысли тяжелые, думки тревожные не дают спать Ивану Сатонину.

На погост взглянул. Подумал...
Бросил: вот под кем страна!..
Плюнул... Вырубили корень
в восемнадцатом году...

Эх, Россия! Горе, горе,
словно кто свечу задул.

Дорогой товарищ! Вы рождены, чтобы превратить страну в пустыню и не мешайте руководящей и направляющей вас направлять. Чем лучше будете работать, тем скорее отсчет сорока лет начнется. На вас новые, еще не родившиеся, поколения смотрят. Вы уж не подведите.

Завтра? Завтра будем вряд ли.
Завтра мы, поди, помрём.

Одним словом, напоминает мне это один старый анекдот или быть.

Собрали сельский сход. Объявляют, что завтра всех вешать будут.

— Вопросы есть?

— А веревки с собой приносить?

В каком месте книги плакать, а в каком смеяться, читатели разберутся. Не первый год живут, сами с усами.

Владлен Феркель,
поэт, издатель

Жил себе Иван достойно.
Попивал — ну, был грешок.
А, как съездил в град Престольный —
ни-ни-ни, ни на вершок!
Насмотрелся, нагляделся:
слов по делу не найти.
Ай да Китеж! Вот бы если
распахать — овёс в чести.
Запрягай! — плужок отцовский
с довоенной, с той поры.
Знамо дело! — мы таковски,
мы не прячем топоры.
И пошёл... Крестьясь, очнулся —
на печи опять лежит...
Ты ль, Россия, мне обузой?
Хороши весной стрижи!

— Без пяти минут, как Ситный.
Вот сейчас, вот из печи!
Так, Иванушка, воспитан
был отцом я: не молчи!
Говори, коль если надо.
В драку лезь, когда зовут!
— Да уж видно, что не падаль,
не похмелье на траву.
Но спрошу, спрошу: что проку
от твоих стихов, речей?
Слышь-ка? Вон трещит сорока!
Мне бумаги жаль, свечей.
Ну, постой, ты не серчай уж.
Ты пиши, коль Бог даёт!..
Только не ко сроку пажить:
ведь прочтут, ан невдомёк.

— Без намёка на пристрастье,
без попытки взять на крик:
ты, Иван, по этой части
докой стал. Поди, привык?
Обскажи-ка мне, Додону:
из застойного угла,
Пашка, вспомни, дурень полный,
держит чин. Уж не Пилат?
— Друг мой, Ситный, ты откуда
слов набрался? Белены,
чай, объелся? Вот паскуда,
Пашка, ёж ему в штаны!
Своего, наверно, нету.
Дурень наш теперь уж князь,
правит в двух палатах... — Свет мой!
Вот они откуда. Страсть!

— Под Америку легли мы,
разгулялася молва!
Вот Аляска: шило с мылом.
А теперь, скажи, Иван?
— Да чего уж говорить-то!
В диспозиции не прёт
наша власть: всё шито-крыто.
Всё бы ей елей да мёд.
Всё бы ей куда-то ехать.
Вот, намедни, стыд и срам:
весь приход давился смехом,
куры дохли по дворам!
— Эй, Иванушка, зазря ты!..
Так сидели мы вдвоём.
Завтра? Завтра будем вряд ли.
Завтра мы, поди, помрём.

*Вдруг, откуда ни возьмись,
Сто ворон слетает вниз...*

В. Маяковский

— Друг ты мой, Иван, подумай:

кто ещё, как окромя
мужиков, дойдёт до Кума
с челобитной? Аль зазря?

Вспомни, ходоками деда
были наши. Разумел?

— Ситный! Ты, поди, обедал?

Я вот нет. Пойду себе.

Но спрошу: собак ты видел,
что у Кума на дворе?

То-то и оно! Свой сидор
брось под лавку. Оробел?

Но скажу... Вдруг свистнул, гикнул!

Вдруг, откуда ни возьмись,
в синих галифе, без крика,
тьма ворон слетела вниз!..

Что, увидел, друг мой Ситный?

Нады только время ждать...

И пошёл... Созрело жито
и стояло время — жать!

Мы распутицей ходили,
мы продали всех и вся.
А теперь тебя, Россия —
вот те крест! — за горсть овса.
Эх, лошадка моя, Бурка, —
чем же, чем тебя кормить?
Сивка, вещая каурка,
что ни слово — то «аминь».
Что ни дума — то не в пользу,
что ни дело — не в суму...
Я бы встал, робяты, в позу —
да не хочется в тюрьму!

А в глазах моих усталость,
а в глазах сухая грусть.
Что же, Господи, осталось,
как молиться мне за Русь,
как взойти на тот пригорок!..
Я ль, скажи, не Моисей?..
Дальше — ближе, счастье — горе...
Босичком — да по росе!

И не то чтоб поплохело,
и не то чтобы набрался,
а, скорей всего, с похмелья
с молодухой кувыркался.
Что тут скажешь?! Рот раззявил
и пошёл: гуляй, Рассея!
где тут Каин, где тут Авель,
где погост, где новоселье?..
Молодухе, что? — смеётся!
Разлюли, гуляй малина!..
Вместе — тесно, врозь — неймётся...
Где тут чёрт, а где тут инок?
И какая подоплёка?..
Кто ответит, кто возьмётся?..
Без одной минуты — окрик...
Молодухе — всё бы мёд пить...

— Рассуди, Иван, откуда
олигархи завелись?
Слово-то какое, будто
с кислых щей сошёл на низ.
— Так оно и есть, туды их!
Я вот впрямь тебе скажу:
Корешки у них худые.
Это ясно и ежу.
Не из княжеского роду,
а уж спеси, спеси... Глянь!
Кто не знает их породы
«демократов»? Дело дрянь.
Уж они поворовали,
уж они... Эх, мать честна!
Крякнул, плюнул. Трали-вали,
не у них судьба красна!..
И пошёл, чуть-чуть вразвалку,
как ходили испокон
мужики на пашне... Жалко ль?
Вот и мне, России стон.

- Эх, наличники резные,
палисадничек в цветах.
Чай с малиной. Та ли ныне
после баньки суета?
- Свет ты мой, Иван, куды там!
Разбежались в города.
Вишь, дырявое корыто,
чисто в сказке? Вот беда.
Жаль, станицы прежней нету.
Лиходеи завелись.
«Квадро», тьфу ты, до рассвету
суд чинят. Слышь, бабий визг?
Эк её-то разбирает!
- Хватит уши распускать.
Нам, друг мой, ещё до рая
топать, топать. Эх, тоска...
- Слышь, опять?! Поди, придётся
брать жердины. Что за жизнь?!
Эти вот, из новых, в пёс их,
захотят опять в ножи...
И пошли, пошли... Рассею
казакам вновь выручать!..
Прежде было: время — сеять.
Время — сабелькой с плеча!

У меня заборов нету.
Для меня они у вас...
Жизнь что? — звонкая монета
иль пожухлая трава?
И пошто теперь достойно
«петухом» в кустах сидеть?..
Обнищали! — больно, больно
серебро менять на медь.

Так иль нет, а всё ж дождался:
семь ветров с семи сторон
враз подули... Легче, братцы!
Легче жить, когда в разгон.
И уже не поворишь,
и уже не ты — она...
Открывай, Иван, ворота! —
на семи ветрах страна.

Коль не жили, уж не будем —
от Советов повелось...
Где, деревня, твоя удаль?
Где мужицкое: «не бойсь»?!
Всё позёмка да унынье
и, чуть чо, так и «авось»...
Что в град Китеже? — и ныне
вбит в застенке ржавый гвоздь.

— Сколь путей-дорог по жизни
мы прошли! И сколь ещё?
Не списала бы Отчизна,
а уж нам: равнять плечо.
Глаз косить на грудь и с левой,
с левой правду зачинать!
Нету нам до кривды дела.
Нам ли свой устав не знать?
— Друг мой верный! Сразу видно,
держишь ты солдатский строй.
— Так оно и есть: в обиду
Вася Тёркин, вот герой,
не давал нас. Отделенный!
— Погоди, постой. Скажи:
ты ж на фронте не был? — Не был.
Батя с ним в землянке жил.
— Вот идёт откуда! Верно
говорят: не сгинул род
Тёркиных!.. Равняйсь. На первый...
Рассчитайсь. В атаку, взвод!

— Как, случается, с простуды
разом слечь, так и у нас:
было всё и вот, не худо ль,
Божий кончился припас.

— Ты в политику не лез бы.
Вспомни: с красной мордой шут
после баньки к Куму съездил,
так теперь вот недосуг.
Он на Божедомке. С песни
слов не положить в карман.
Тесен мир, ой-ой как тесен!
— Вот, спасибошки, Иван.
— Всё и вся идёт по кругу.
Уж не хочешь ли вдогон?
У кобылы ты подпругу
подтяни, а их не тронь!

— Беспокойное семейство
на подворье у тебя!
Не найдёшь пустого места:
куры, бабы, ребятня.
— Что худого в этом, Ситный?
По делам и Бог даёт:
и крупчатки разной в сито,
и припас какой, и мёд.
«Мудрость» думскую послушать,
так и нет труда в миру,
коль в каких-то там сосудах
всё у них растёт. Помру!
Ей-же-ей, помру! — Ну, хватит.
Что, Иван, ты с них возьмёшь?
У России есть богатство!
— Есть и кнут, едрёна вошь!

Несколько грузин сопровождали арбу.

— Откуда вы? — Из Тегерана.

— Что везёте? — Грибоеда.

А. С. Пушкин

— Как не подымайся рано,
всё одно проспичь зарю.
Старость, старость... — Так из крана
не поймать в ладонь струю,
между пальцев просочится.
Старость, в чайнике вода
кипячёная. Не спится.
— Вот и мне, Иван. Айда!
Погутарим с мужиками
кой о чём, не кое-как.
— Ситный! Ты забудь о камне.
Пей водичку натошак.
Надо подыматься выше,
не растут во рту грибы,
скрип среди тщеты услышать
грибоедовской арбы.
— Это кто такой, откуда?
Уж не тот ли барин? — Да,
тот он! Нам бы вдвое худо
было б, как не он. — Беда...

Сретенье

- Расскажи, куда носила
в этот раз судьба? — В Надым.
Нет, по найму. По России
и без срока есть ходы.
Поглядеть хотел, прикинуть.
— Верно, ездил за рублём?
— Да на кой мне их мякина?
При хозяйстве не помрём!
— Вот сказал, как будто в точку
угодил! — Оно и есть.
Потому они с обочин
и гнобят крестьянства честь.
И в Надыме я увидел
то же самое: Ямал
обобрали весь. Обидно!
Плачет тундра, стар и мал.
Отче мой! Она, неволя,
не в Твою казну. — Аминь!
— Значит, Гогу Ты позволил
встать над промыслом земли?
— Очищение... Молитесь!

Барин купчику не ровня

- Ты чего, Иван, сердитый?
— Вот, под сердцем, стынет боль.
Купчик тут, из неофитов,
наследил. Вот, видит Бог,
посчитаюсь, как с Пасхором.
— Это кто ещё такой?
— Жил когда-то. — Скоро ль? — Скоро
помянём за упокой!
— Допекли тебя, похоже.
— Не могу сапог забыть
тот, начищенный... Рогожей
не прикроешь скрип арбы!

— Я вот чо, Иван, заметил:
в Красный угол старики
не садятся дважды. В метре
дел не знают никаких
без молитвы. Так ли эти?
Трижды, даже больше... — Стоп!
Нынче, слышь, худое лето.
Вот у греков был Эзоп.
Он сказал бы, что берлогу
окрестили в пастухи...
Вышел, вроде ненадолго,
а вернулся мал и хил...
— Ты, Иванушка, откуда?..
Замахал руками... — Свят!..
Тычет в Красный угол... — Кедрь
нынче втрое, не в обхват!

В моей матерной России
радость лишь одна — любовь!

Вижу, вижу небо сине
и твою подняту бровь.

Вижу горы и долины,
вижу реки и моря...

Вижу, вижу, вижу: инок
бьёт поклоны, бьёт зазря.

- Расскажи, Иван, как было?
— На семи ветрах стоял.
Вдруг, откуда, Божья сила:
Голос, что колокола!
- Чудо! Ну, а дальше, дальше?
— Сам пойдика и взыщи.
Только вот ты постной каши
не едал, всё с салом щи.
Оттого и... — Ладно, ладно!
Помню, как сейчас, мой дед,
окромя, как под лампадой,
квас не пил, хлеб на воде.
- Всё ты знаешь, Ситный, только
принимать не хочешь пост.
Потому тебе и горько,
и не Встреча, а погост.

- Барин купчику не ровня.
Было так. А что теперь?
Нет служивого под кровлей,
да и дверь уже не дверь.
- Ты чего, Иван, несёшь-то?
Разъясни, я враз пойму.
- Ситный, здесь не всё так просто,
потому, как тьма в дому.
Очищение Господне!
Оттого и плесень прёт
отовсюду. — Так сегодня.
Ну, а завтра будет мёд?
- Вряд ли, вряд ли. Купчик, видишь,
вверх пошёл. Скупили всё.
- Эх, Иванушка, обидно.
Что Отечество спасёт?
— Очищение Господне!

- Утро чернь посеребрило,
вдоль дороги иней лёг.
Чисто всё, как будто крылья
выросли. Эй, лён мой, лён!
- Ну-ка, ты не приложился ль?
- Друг мой Ситный! Ты, поди,
и не знаешь, что по жилам
кровь бежит? Чай, убедил?
- Будет, будет! Вон, за ригой,
ты послушай, бабий ор.
Пашка наезжал, вот иго,
выбрил начисто бугор
саженцев. При нём документ:
всё по чину, всё как есть.
- Эх, Россиюшка! Под кумом
опороченная честь.

— Ты, Иванушка, за веру, али как?
Христианин, это значит, в церкву первый
он к Вечерне! Не един,
а чтоб выводок с ним полный,
от малых до бабы. — Грех
говорить, когда ты в поле
борозду ведёшь, не смех.
Знаю, насмотрелся думских.
Вот, где правит Сатана!..
На погост взглянул. Подумал...
Бросил: вот под кем страна!..
Плюнул... Вырубили корень
в восемнадцатом году...
Эх, Россия! Горе, горе,
словно кто свечу задул.

— По деревне куры бродят,
на подворьях суета:
говорят, что Пашка вроде
в землемеры метит, тать!
Говорят, в четвёртый раз уж
в земство свиток подаёт!
— Значит, будет. Там горазды
братъ припас какой иль мёд...
Значит, будет. Объявили:
жить своим укладом, чтоб
в Китеж ни ногой и вилы
не марать. Ни к делу стёб!
Порешили... — Эй, ты, Бурка!
Эх, лошадка! Вот урок.
— Ты, Иван, пойдёшь наутро
поглядеть на зорьку впрок?

- Сделай на носу зарубку
или где, чтоб опосля
Пашка бы не смог попутать,
рта не раскрывай зазря,
кроме как хлебать похлёбку,
да и то в своём углу!
- Ты, Иван, уж больно ловкий.
Ну, а сам-то? — Не могу
умолчать, когда Рассею
понужают, кто и чем.
Вот и в Думе: больше сеют
под себя и при свече!
- Хорошо сказал. Ты видел,
что под лавкой дремлет пёс?
Не бывает в свете дива,
как бы кто и не донёс?!

— Можно ли, Иван, обжечься
молоком парным? Эх, жизнь!
Баба, глянь, и в праздник женский,
Хошь не хошь, печёт коржи.
Так ли в Китеже? Чуть худо,
сразу цены вверх. Видал?
Это рынок. Баба пудрой
щёк не мажет никогда.
Городская только. — Ситный!
Ты к чему это ведёшь?
— Цену нам поднять б на жито.
Нам, не им, едрёна вошь!

От ЧК до МЧС

— Кабы знал, что приходила
баба с петухом в горшке
погадать я б из опилок
дымокур на чердаке
ей зажёл бы, честь по чести!
— Ситный! — ты, видать, умом
поперхнулся, с крышей вместе.
Чрезвычайка за углом!
Прежде был железный Феликс.
Нынче, тьфу ты, позабыл.
Вот история! Ну, Феникс,
птичка с клювиком судьбы.
— Ты чего, Иван? — Пстой-ка.
Коль уж начал, доскажу:
вспомни, Ситный, перестройку,
пса с пятном. Сидишь? — Сижу...

— Не спеши, ещё есть время.
Надо многое сказать,
вырастить родное семя
мужиком, пятки не взад.

— Друг мой Ситный, друг мой верный!
На задворках, вспомни, в кровь
били сучье племя терном.
А теперича любовь?
Тьфу ты, тьфу!.. Сморкался долго.
По нужде сходил в кусты.
Вышел. Помолился. Богу ль?..
Три поклона на кресты.

— Посмотреть, так и не видел
ничего ты, кроме дыр
на худом плетне. Обида
тебя гложет или стыд?
— И не то, и не другое.
Я, Иван, жалеть устал.
Вот оно, деревни горе:
разомкнул бы кто уста!
Разучились говорить мы,
думать и подавно. — Снег,
снег пошёл. Иди-ка с миром.
Не к весне он, не к весне.

- Так и будет. Так уж, видно,
где-то порешили: срок
просвещения отодвинуть
дальше, дальше за порог.
- Ты одно с другим не путай!
Потому, неровен час,
вдруг да и придёт Распутин.
- Да уж был, уж пили чай.
Иль не помнишь? Вечеряли.
- Оттого и говорю:
им то, что? Им без морали,
что два пальца... — Ситный, сплюнь!

*Эх, дороги...
Пыль да туман...*

Д. Ошанин

Мы на лавочке сидели,
проводжали осень... — Глянь!
Вот оно, Иван, заделье:
брать, плечом играя, дань
с колеса али с копыта.
— Эх чего ты захотел!
Вот приедут: всё опищут,
всё возьмут себе в удел...
Помолчали... У России
нет дорог. Пыль да туман.
Всё, как в прорву, всё не в силу.
Всё мундирчиков бурьян.

— Говорят, что у России
нету племени. — Всё чушь!
По сусекам поскребли мы:
ешь и пей, да не хочу.
Под твардовочку и спится,
и работается влёт!
Вот в окне краса-девица,
добрым молодцам намёк.
— Ситный, да не всё так просто.
Ополчение на днях:
и не баба, не апостол,
а из нужника сквозняк,
объявилось с распродажей.
— Ты, Иван, закрыл бы дверь!
Сколько их ещё на пажить
понаедет, уж поверь.
Вот и эта из таковских,
ополченье, так и есть.
У тебя, скажу, свой посох
и своя пред Богом честь!

— Эх, гранённое застолье,
где за всё про всё троаяк:
выпьешь и закусишь вволю
и пойдёшь равнять свой ряд!
— Ты, Иван, я слышу хватом
был? — Да так оно и есть.
Ситный, друг мой, кто солдатом
не стоял за нашу честь?
Ты скажи! Я не об этих,
что теперича берут
кто и чем. С престола летом,
високосным, их попрут.
— Да ты что! Неужто Китеж
станет храмом для людей?..
Помолчал, похмыкал... — Хитро
ты вопрос поставил. Пей!

— Позовут, а не оставишь
без присмотра на дворе
девку ль, бабу: враз лукавый
соблазнит и, вот те крест,
за разгул с тебя и спросит.
— Ты, Иван, загнул, поди?
— Ты дослушай: в эту осень
Дума рыжего родит!
— Головастого, в веснушках?
— Углядел! Я всё о том,
что без третьего, по слухам,
Китеж превратят в Садом...
В этот раз молчали долго.
Что тут скажешь? Суета.
Уповать нельзя на Бога,
отрекаясь от поста!

- Что не говори, деревня,
хоть какой она ни будь,
корни прячет: дремлет, дремлет
до поры. — С того ль избу
пуще бережёшь от сглазу
ты, Иван, чем от нужды?
— Так оно: глаза замазать
все горазды. Подожди,
вот и этим срок отпущен.
— Да тебе откуда знать?
— Девка на кофейной гуще
нагадала, вот не встать!
— Да идёшь ты... — Нет, ты слушай,
что в народе говорят:
«Были бы открыты уши,
а уж делу красный ряд!»

Иван да Марья

— Развернулась синей лентой,
как смотреть из-под руки,
жизнь наша. Эх, бабье лето,
не мужицкое. Другим
хоть бы что, а мне не в жилу!

— Ты куда, Иван, пошёл?

— Я и говорю, нажился!

Саднит правое плечо
и мозжит. — А что за левым?

— Не хочу и говорить...

— Не молчи! — Эй, кто там «мелет»?
Стой! России твердь горит.

— Сколь, Иван, она с тобою,
Марья-то? — Да, почитай,
жизнь прожили. — Ой ли? — Ой ли!
Ей другие не чета.
Так уж есть, и не отнимешь.
Всё при ней: и лёгкий стан,
и служение, и имя
в срок Великого Поста!
— Уж молчу, и что тут скажешь?
Ясно всё, как в Божий день:
коль в дому руки нет с пряжей,
плюнешь и на свой плетень.

— Без греха и дня не будет,
и, как встал, так и молись:
три поклона на Иуду,
всё одно какому. Гнись!
Гнись и гнись, всё ниже, ниже.
— Ты к чему это, Иван?
— У меня, друг Ситный, грыжа.
У тебя, глянь, голова!
Ничего я не имею
против этих мужиков,
но мели, мели, Емеля,
а России без оков
вряд ли быть. — Чего тут скажешь?!
Тут поверил б и Фома.
— Не бывает белой сажа,
как Свобода без ярма.

Помолчали, посмотрели,
снег смахнули с голубца
и пошли. Весна в апреле,
а случилось — скорбь с лица
не смахнуть, как снег последний.
Сколь их, наших корешей,
отдыхает, зябнет в лени? —
ни рассудку, ни душе.
Отслужили, отгремели —
враз закончились бои.
Где же вы?.. Мы песни пели,
мы и нынче без обид.

- Первый снег, что самый первый
Поцелуй, ужель забыл?
- Марья, Марья! Разве перья
исписали мы судьбы?
Разве не строкою белой
говорил с тобой всю жизнь?
- Так, Иван. Я прежде пела,
а теперь? Теперь, скажи?!
- И теперь, моя Россия,
ты и краше всех, милей!
- В первый снег не Божья ль сила
белым хлебом на столе?!

— Ты, поди, ещё мышкуешь,
старый лис? — Да нет. Вчера,
глянь-ка, глянь, порвали шкуру
псы мне всю! — Так по дворам
по чужим не надо шастать.

— Да какое там, Иван!

В свой я заглянул, к несчастью
в неурочный час. В подвал
нады было мне за квасом.

— Да в тебя вселился бес!

Ай да Ситный, курам на смех,
ты же в спальню к Марье лез!

— Ты поставь его обиду
на судьбу, себе в вину.
Вот тогда и будет видно,
кто есть кто, на всю страну.
— Ты о ком? — Я о народе.
Вот была бы власть щедра!
Вот бы из ларца породе
постоять среди двора.
— Ну, Иван, опять загнул ты!
Чтобы эта лимита
послужила б нам? Обуйся
и айда. Чай, месяц встал.
Глянь-ка, глянь: у переправы
и Креститель, и Господь
век который ждут! Есть правда.
К вере истинной жив брод!

По-осеннему промозглым
утро выдалось. Сплеча,
Ситный мой, рубил не прозой,
матерком народ встречал...
— Ты с чего развоевался?
— Это в кои же века
Дума наша на закваску
(знать, нуждишка допекла)
положила брать подушный
со двора налог?! Видал?..
Кукиш выставил как пушку...
Вот откедова беда.
Если так пойдёт, к покрову
подошлют и петуха
прореветь медведем. Повод?
По деревне: ха, ха-ха!

К выборам в Земство

- Посмотри, как нынче щедро
 снега, снега намело!
- Значит, будем с хлебом. Верно?
 - Верно, Ситный. Поделом
 всем им будет, кто помехой!
 - Ты, Иван, вновь за своё?
- Шкура, глянь, наружу мехом.
 Не в нутро она, при всём!
- Ты к чему, в толк не возьму я?
 - Да вот в Китеже опять
 заболела почечуем
свора вся, ни дать ни взять.
 - Так оно и ясно, в тему.
 Что у них там на носу?..
Посмеялись. Вот дилемма:
 лимите и Бог не суд!

- Уж не знаю, как случилось
и не ведал, не гадал,
а на первый снег в точиле
дно обрушилось. Галгал!
- Не пойму, Иван, о чём ты?
- Да в больничке нынче дров
не хватило: по отчётам
в земстве дождик на покров.
- А при чём точило? — К слову,
потому как завтра хрен
будет слаще редьки. Повод?
На дровишки пилят крест!

— Потому как мне приснилась
Марья с хлебом на Покров,
и живу я... И по силам
мне поднять России новь!
— Замахнулся! А потянешь?
— А иначе, Ситный, кто?
Кто, как кроме нас восстанет,
Мужиков?.. И кто с крестом?!

— Снег и оттепель, как если б
два в одном. Так говорят.

Замесить крутое тесто
без муки, что взять подряд
на пошив какой у Кума.

— Дался он тебе, Иван!

— Дай договорить: я думал
залатать ему карман.
Сколько не берёт, как в прорву!

Там, поди, уже дыра
в преисподнюю. — Как скоро?

— На Покров, так говорят!

*Двое из ларца —
одинаковых с лица.*

Л. Гераскина

Не ищи, когда не знаешь
потерял что. Так и ты,
друг мой Ситный. Не из наших
научился кто персты
в кукиш складывать? Увидел,
разумеешь, кто есть кто?
Вот и эти: вроде с виду
из ларца — а на престол!

— По путям идти Господним,
это надо лёгким быть,
а не тем, кто в непогоду
кличку получил «Горбыль».
Глянь, на пашкином заборе
Сплошняком, как и в делах:
в Думе был и в земстве горе.

Не хозяин, а метла.

Да и то уж без обвязки.

— Не скажи, он состоит
нынче в партии. На Пасху
был у них сходяк. Вот стыд!
Их теперича, как в Польше,
Солидарностью зовут!

— У кого мошна побольше,
тот и правит. Тот Саул.

- Будет и тебе, расстрига.
 Это ж надо, до сумы
 матушку довёл! Всё игры.
 Где вы, светлые умы?
- Ты о ком это? — Да Гришку
вспомнил я. Вот шельма был!
Из дерьма, а в «люди» вышел.
 И не муж, и не боббль.
- Слышу я, куда ты клонишь.
- А чего мне тут скрывать?
 Вон и слёзы на иконе,
 и не клир, а «чёрта с два»!

— Что содеяно по Слову,
то на долгие века.
Вспомни ветхого Иова.
Не Господняя ль рука
с ним была, когда он в пепле
сидя, порчу соскребал
черепком с себя? Не репа
у него росла со лба,
как у наших. Вот проказа!
— Ты о ком это скорбишь?
— Да по всем, по новым сразу:
Дума-кратию в гробы!
— Эх тебя перевернуло!
Ведь недавно ты стоял
на брусчатке? — Шарик сдулся
на верёвочке. Галгал!

- Закружила, завертела
жизнь меня с тобой, Иван!
- Да, уж так: не глохнет тело,
не с угара голова.
- Где мы первый раз столкнулись?
- В Тюра-Таме. Иль забыл?
Ты пятак бросал за угол
от какой-то там судьбы.
- Было, было! Всё висело,
как сейчас, на волоске.
- Нынче хуже. Нынче мелом
не напишут на доске:
«Мир. Труд. Май». Эх, «демократы»,
опустили враз страну.
Табуном идут дебаты.
- Не Герасима ль «Му-му»?!

Слушай, дьякон что поведал:
«Прихожан у церкви нет,
захожане есть». Намедни
жаловался мне: «Обет,
говорил, давал Отцу я,
верой-правдою служить!
Нет, теперь не поцелуют
Крест Господний. Мир во лжи...»
Захожане — это ж надо
так сказать! Ай да стрелок,
ай да дьякон! Вот отрадно
видеть светлое чело.

— Без Творца нету начала,
как без мужика крыльца.
«Ты куда, Иван?» — кричала
девка мне. Глянь, два с лица
одинаковых, из царства
тридевятого! Скажи,
Ситный, неужели наспех
зачинали нас во ржи?
Неужели эти были
во главе угла углов?
— Эх, Иван, Иван, вскормила
мать Россия нас числом
семью семь от Симеона.
Вот высокое гнездо!
Вот откуда плач иконы,
Богородицы прозор!

- Нам пунктирного обзора,
друг ты мой, не избежать.
- Начитался ты. Поспорим:
 философия ножа,
 думаю, покруче трёпа.
- Не согласен, жив Сократ!
До сих пор мышленья опыт
 не расхожая икра
с языков, что нынче мечут
 тут и там, пятак за фунт.
- И не только: в церкви свечи
 чаще оптом продают.
- И не только: псы намедни
 закатили в земстве пир.
- И не только: всадник Медный
с Гришкой, с Гришенькой запил!..

- Ситный, обрати вниманье:
руки сделаны грести
под себя, к себе... В кармане
оттого и медь в чести!
- Да уж знаю: шибко умный
ты, Иван, а вот, поди,
норовишь седло у Кума
отобрать. Гляди, гляди!
Вот и почеши затылок,
можешь и пониже... Власть,
друг ты мой, от Бога. Или
я не прав?.. Жуй жвачку, всласть!

В дурачка

- Окультуренный, Иван, ты.
А с меня чего возьмёшь?
- Не скажи: уж коль по факту,
отоваришь не на грош!
Только вот в толк не возьму я:
Вроде что-то ты кончал?
- Не кончал, окончил. Мудрость,
это, друг, не твой кочан!
- Ну, молчу-молчу. А всё же?
— Аль забыл? Лесоповал!
Помолчал. Уж там, брат, рожки!
- Что и здесь... Теперь сдавай.
Власть у них!

Почему-то не хотелось
ни молчать, ни говорить.
Просто отдыха для тела,
так случается, старик,
захотелось выпить чарку
и другую. Кто поймёт?
Пёс дворовый? Вышел. «Жарко ль?
Надышал, чай, под омёт?
Эй!..» Шурша соломой, вылез:
«Ну, чего тебе, старик?»
Аль слышалось? Вот жизнь!..
На столе свеча горит.

— Запрокинулась от смеха
голова, и хоть ты плачь!
У России нету вежи:
бублик с дыркой не калач.
— Хорошо сказал. Эх, любо!
Любо-любо, братцы, жить.
Вот Махно гулял не в убыль,
а теперича? — Вяжи
дураков в снопы да в скирды!
— Хорошо сказал. Айда!
В Китеже, не любо ль, игры
двух из ларчика. Сюда!..
Эх, тачанка-растачанка,
все четыре колеса!
Эх, гуляй-гуляй! Овчарки
завтра будут, не сплясать.

— Так и будет всё по Слову,
Потому как жив Господь!
— Эх, Иван-Иван. Не повод
помянуть Его. С ваш-бродь
посчитаемся и сами.
Захотим, так у ворот,
у Никольских столб поставим
и Гаввафу, и народ
призовём, как князь Пожарский
вместе с Мининым... Даёшь!
— Ситный, Ситный! Гребень жатвы
не у нас и власть — не вошь.
Случай с сотой обезьяной
на Японских островах
знаешь? Нет? Так вот: не зван ты
и батат не трын-трава!

- Разумей, Иван: вот счастье
не ловушка ль для ума?
Ведь, когда царит ненастье,
и сума уж не сума.
- Хорошо подметил, к месту.
Всё по жизни, как у нас:
баба, зри, замесит тесто,
а и кур никто не пас.
- Это ты к чему? — По делу.
Ты намедни выливал
из колодца воду. Смело!
Но поймут ли?.. Трын-трава!

- Хоронись, а ум не спрячешь,
где-нибудь да промелькнёт,
как среди безмолвья грачий
гомон: на полях помёт.
- Ну, сейчас кому-то будет
на орехи, леденцы!
- Ситный, за постой не худо ль
брать хоть шерсти клок с овцы?
Так и я возьму по Слову:
где посеял, там и жну!
- Ну, оставь-оставь... Вот овод:
жалит, нету терпежу!

Послесловие к...

— Не задумываясь долго,
делаем на грабли шаг.
Кто там с правой? С левой Волга
обнимает земной шар!
Подымайся, Ситный! Взгляд свой
на Отечество прями.
Неужель не видишь? Вязнет,
утопает в блуде мир.
Распрямайся, Ситный! Глянь-ка,
вон и Китеж взял суму
и пошёл, пошёл... На стяге
синь небесная, не муть.
Разгуляйся, рожь поспела!
Ситный, Ситный, вот оно:
княжич объявился смелый...
— Кабы знать, что не дерьмо...

*О, дон Хамон! Два точных слова
Соединились так легко.*

В. Феркель

- Ситный, ты знавал Хамона?
— Слышал. А тебя, поди,
зацепил? — Во время оно
да и ныне не един
хлеб насущный: и свининка
есть к столу, и там ещё.
Но не в этом дело. Видно,
сочинитель держит счёт
при казне Господней. — Слышал!
Что тут скажешь, башковит.
— И не только. Бери выше,
у него в отцах Давид!
— Уж не скажешь ли?.. — Конечно.
Вот о том и речь моя.
Наш, прости за пошлость, вечер,
на обочине возня!

Ну, так что, моя отрада,
ну, так что, мой дивный свет —
может, всё-таки, не надо
говорить о прозе лет?
Может, надо на окошке
занавески распахнуть,
лунный свет собрать в лукошко,
в тайный ларчик заглянуть?
Не искать там ожерелья —
ни к чему они теперь,
а подметки да веселье,
да пошире чтобы дверь!
Да пойти бы всё вприсядку
за овражек, в никуда,
под веселую трехрядку
лихо сбрасывать года!
Ну, так что, моя отрада, —
не пристало нам тужить!
Может, всё-таки не надо
годы тихо сторожить?!

— И захочешь, не укусишь,
и в другой, и в третий раз
локоток. Чтоб было пусто
псам и стольникам двора!

Не единожды случилось:
приходил и брал залог,
чтобы к выборам мочала
не везли. Крестили лоб!

А теперича без штуки,
непрерменно не сукном,
и не приходи. Наука
данникам, не бить челом.

— Ситный! И они обулись.

Таки им всучил товар:
пук мочала сунул в узел!

— Ха, ха-ха! Давно пора.

- Если кто, когда захочет
отыскать к наживе брод,
крикни рыжего: он кочку
отличит от талых вод.
- И не только: трёп от ветра,
бабий ор от молотьбы.
Слухам можно и не верить,
только рыжий не бобыль.
Ведь недаром конопатый.
Чубчик-чубчик, тут и там
развесёлые ребята
расплодились по кустам!
- И в правительстве, и в Думе?
Жалко вот, в деревне нет.
- Слава богу! Здесь для Кума
бублик с дыркой. Талый снег.

- Не считаем километры:
вёрсты, вёрсты под ногой.
Так привычней, так и ветру
по природе. Гой же, гой!
- Хорошо пошли. Глянь, вёдра
девка полные несёт!
Коромыслице и бёдра,
любо-дорого! Всё мёд!
Всё смотрел бы и дивился.
— Да и будет так, Иван.
- Глянь-ка, глянь: в деревне лица
всё родные. Поспевай!
- Хорошо пошли... Россия!
Может, нам и поворот
застолбить удастся? Сила,
глянь-ка, Божья у ворот!

От Розанова до Розова

Философия в России,
слава Богу, будет жить.
Это ж надо, сколько силы —
этажи да этажи!
Имена? Нет-нет, не стоит
все их перечислять
друг за другом... Совесть, совесть —
вот что всходит на полях!

- Жить, Иван, без полномочий,
всё одно, что мордой вниз.
Так и мы: набухли почки,
а уж пашем! Не до виз.
- Хорошо подметил. Слышу,
поднабрался ты идей!
Зачастую сносит крышу
ураганом. Жив халдей,
и Семей ему на пару.
- Это кто такие? — Глянь,
ларчик-то раскрыт: распарят
в баньке веничком! — И впрямь!

- Как назло, и снега много.
— Отчего ты так сказал?
— Да вот надо бы в дорогу,
а присыпаны глаза.
— Отчего хомут не гений?
— Тут ты прав, как и всегда.
У него лишь то мгновенье,
как на шею сядет... Да.
— Ты о ком это? — Не знаешь?
Я о Куме речь веду.
Как он сел, так всё икаю:
вроде рай, а как в аду!

— Мир утоп в «большой помойке».
Городские ввечеру
не танцуют лёгкой польки,
школу в «Форуме» берут.
Заглянул и я... — Постой-ка!
Не с того ль на печь ты слёг?
— Ой, беда! С того, Господь мой:
там же в стойлах блуд, что мёд...

- Что ни день, то угрызенье.
Нет, не совести! У них
где она? Они наследье
доедают наше. Сник?
- Ты всегда, как что ни скажешь,
так хоть в омут головой!
На возу уж нет поклажи.
- Глянь-ка, в стойлах ль не навоз?
— Да в моих давно уж чисто.
Весь я вывез на поля.
- Так они нам свой припишут,
за издержки... — Ой, ля-ля...

- Жить, Иван, поди, осталось до весны. Эх, мать честна! Верно, бес попутал: малость, а хватило в Пост не встать.
- Помешался ты на вере!
- Что ж. И прежде Саваоф был со мной... Открой-ка двери. Слушай: жил да был Иов...
- Да уж помню спор с друзьями.
- Так вот я один из них. Не держал на сердце камня даже и в худые дни.
- Насмешил ты: я-то вижу что откуда, кто спасёт.
- Циник ты, Иван, и книжник!
- Хорошо, что не осёл!

Почечуем ты болела,
с почечуем нынче я.
Плачет сердце, плачет тело,
плачет и скорбит земля.
И за кем бы ты, Россия,
не пошла в путях своих —
плачет, плачет, плачет сила...
Смех и слёзы на двоих...

- Не замалчивай бездарность,
а иначе и тебе
будет Голос: станешь в паре
с Кумом квохтать! И в трубе
воет чёрт, когда неймётся.
— Ты опять, друг, за своё?
— Под ладошкой спинка гнётся,
пёс не страшен за плетнём.
— Да послушай же! — Не стану!..
Вдруг споткнулся. Замолчал.
Отчего это с ним? Странно...
Гаснет на ветру свеча!

Н. В.

Я мыслю, следовательно, я существую.

Р. Декарт

- Ситный, посмотри: чем ближе
время к нам тупых углов
или острых, тем престижней
быть собраньем без голов.
- Это как понять? — Мычащих
или блеющих. Вот суть.
Но не думающих, к вящей
радости творящих суд.
- Ну, сказал! Так это ж в земстве,
в нашем так давно и есть.
Как там по Декарту: если
мыслишь ты, так в том и честь?

- Ты, Иван, взгляни на город:
без деревни никуда.
- Ладно бы, да жаль нескоро
соскользнёт с руки узда.
До сих пор мы крепостными
числимся и стар, и мал.
- Так и есть. — Огонь без дыма,
что и Дума без ума!
- Вот, поймал тебя на слове.
Но ведь здравствует, живёт.
- Не скажи. Вспомни Иова:
голова был, не живот.
А у этих всё под брючным
ремешком. Вот где узда!
Вот кто беззаконье вьочит
на престол. — Беда, беда.

В свете не бывает худа
без добра. Так повелось.
Но дождёмся ли, покуда
вздыбится оно и в рост,
в рост пойдёт, как рожь в озимых?
Ой Ты, Господи, прими
правду нашу! — у России
нет судьбы, как путь прямить.
Ой Ты, Господи! — за веру,
за царя, за свой народ
подымались мы в час первый,
вспомним же... Из рода в род!

По Сеньке и шапка.

Поговорка

Без наследья нет и части.
Тут уж Бог или не Бог,
а уж если душу нянчишь,
не давай её в залог
никому! Иначе — прорва.
Посмотри, чем не пример:
вот у этих, у которых
в Думе власть, кто их Гомер?

- Честь не смолоду бы надо,
а с рождения блюсти.
- Это как понять? — Нападок,
чтобы не было, ни сил
слово бы сказать худое
на миру или когда.
- Эх, Иван! Скажу: не доля
в земстве нам. Течёт вода
в речку, в реченьку. Всё смоет...
- То-то и оно. Смотри!
Не напился б кто, не помер...
Вот и здесь был третий Рим.

— Нам бы выйти на раздолье
под Господнею рукой.

— Из Египта так, из стойла
выходило племя. — Сколь
быть и нам под фараоном?

— Эх ты складно говоришь!

А не хочешь в спецвагоне
прокатиться? Дремлетмышь,
но уж если заскребётся...

— Ты, Иван, неужто вспять
повернул? — Да нет, я посох
Самуила чаю взять!

По причине жарких прений
мы с лимоном пили чай —
накануне был и третий,
вечеряли при свечах.
Кто такой? — не сразу скажешь:
вот он был, а вот уж нет.
Помним — был чернее сажи,
в светлой горнице портрет.
Помним — пахло водкой, серой...
Чай с лимоном, с куличом.
Говорили. Душно. Скверно.
Пашка? — нет, он ни при чём.
Вдруг, всё разом и открылось,
так бывает всегда:
накануне — Божья ль сила? —
Сатана на Земство встал.

- Знаешь? Пономарь наш спился.
- Слышал. Знатно выдаёт
не коленца, бери выше!
Если б каждый знал своё
дело, мы бы и поныне
гимн «Боже, царя храни»
пели, пели бы... Вон, инок,
приходил и падал ниц!
- Да уж видел сам. Россию
невозможно приручить!
Вот в Престольной: с кем их сила,
коль не им звонят в ночи?

По деревне куры бродят...

— Худо, друг мой! Не случилось
прежде нам терять любовь.

А теперича в печали
вся Россия. Эх, юдоль!

Эх, ни дна нам ни покрышки!

— Да уж будет. Погоди.

И посыплешь пеплом крышу,
и поплачешь: не един,

а подворьем всем. Попомни!

«Ой, вы, рябушки мои!»

Вот тогда спрошу: не помер?

А померёшь, так не моги!

— Как не прячь язык, а всё же слово выскочит. Скажи!
Ты, Иван, когда рогожей прикрывал худую жизнь?
Нет, ты норовил получше мехом там или сукном ублажить её, иль пуще девкой выставить в окно, как Кустодиев! — Да, знаю!
Он из здешних мужиков: за столом сидел не с краю, с чаркой во главе. Каков?!
— Вот и я о том. Доколе обжигать горшки огнём не Господним? Муж, он в поле, и, что надо, всё при нём!

— Потому ты и железный,
что всю жизнь из полымя
да в водичку. Сам не лезешь,
так силком и окромя
норовят ещё и шкворнем
обозвать, и сунуть где.
Эх, деревня! Горе-горе.
Есть тулуп, а не одет.
И надел есть, да не время...
— Стой, стой, мать твою! Куда?!
Ведь не на печи, Емеля,
уши всюду... Пей до дна!

А Б В

— Вот на том и порешили:
коли дело, так с утра!
Мало проку от опилок.
— Не скажи, Иван! Парад
нынче видел? — Зри, друг, в оба.
Ведь на самом деле пыль
всем в глаза. Где наша доблесть?
Там, где платят за распыл.
— Ну, сказал! — А как иначе?
Нынче ценят камуфляж.
Потому и хлеб без сдачи,
и на Магадане пляж...
Порешили: их не трогать.
Глотки пусть перегрызут
друг у друга... — Ну-ка, трогай!
Жатва, жатва на возу!

Не в бровь, а в глаз!

Поговорка

- Слышал? Китеж стал отныне
лепрозорием! — Язык
у тебя а ну как вынут?
Ну, как спросят: покажи,
где теперь он? Ну, соломой,
что из стойла, рот заткнут?
И доселе в их обкомах
для горластых держат кнут.
А уж эти двое чуешь,
из заплечных мастеров!
— Ситный, всё одно ищущу я
стёкла бить у них! Не в бровь!..

В тридевятом царстве

— Нахозяйничал, похоже?

То-то и смотрю: забор
покосился. Всяк прохожий
соблазнится грабить двор.

— Что же делать? — Нынче в моде
псов держать, и я завёл.

Прикормил и снял намордник
с одного за всё про всё
и с другого. Вот робяты:
шастают туда-сюда!

Морды будто две лопаты.

Хохотнул... Беда, беда...

Срок истёк, а то и меньше.

По округе слух прошёл:
псы хозяев тех заместо
по дорогам «стелют шёлк»!

Эх, землянка в три наката,
вот бы где с денёк пожить!
Только, что ж, скажу, робяты —
притупилися ножи.
Не с похмелья ль загуляли?
Отступали три версты.
Оглянулись, «трали-вали» —
где Россия — там и стыд...
Да вот жаль, меня не будет.
Да меня уже и нет...
На столе — дрожащий студень,
чарка с водкой да портрет.

Содержание

Перед исходом	7
«Жил себе Иван достойно...».....	7
«А в глазах моих усталость...».....	8
«Так иль нет, а всё ж дождался...».....	9
«Жил себе Иван достойно...».....	11
«— Без пяти минут, как Ситный...».....	12
«— Без намёка на пристрастье...».....	13
«— Под Америку легли мы...».....	14
«— Друг ты мой, Иван, подумай...».....	15
«Мы распутицей ходили...».....	16
«А в глазах моих усталость...».....	17
«И не то, чтоб поплохело...».....	18
«— Рассуди, Иван, откуда...».....	19
«— Эх, наличники резные...».....	20
«У меня заборов нету...».....	21
«Так иль нет, а всё ж дождался...».....	22
«Коль не жили, уж не будем...».....	23
«— Сколь путей-дорог по жизни...».....	24
«— Как, случается, с простуды...».....	25
«— Беспокойное семейство...».....	26
«— Как не подымайся рано...».....	27
Сретенье	28
Барин купчику не ровня	29
«— Я вот чо, Иван, приметил...».....	30
«В моей матерной России...».....	31
«— Расскажи, Иван, как было?».....	32
«— Барин купчику не ровня...».....	33

«— Утро чернь посеребрило...»	34
«— Ты, Иванушка, за веру, али как?»	35
«— По деревне куры бродят...»	36
«— Сделай на носу зарубку...»	37
«— Можно ли, Иван, обжечься...»	38
От ЧК до МЧС	39
«— Не спеши, ещё есть время...»	40
«— Посмотреть, так и не видел...»	41
«— Так и будет. Так уж, видно...»	42
«Мы на лавочке сидели...»	43
«— Говорят, что у России...»	44
«— Эх, гранённое застолье...»	45
«— Позовут, а не оставишь...»	46
«— Что не говори, деревня...»	47
Иван да Марья	48
«— Сколь, Иван, она с тобою...»	49
«— Без греха и дня не будет...»	50
«Помолчали, посмотрели...»	51
«— Первый снег, что самый первый...»	52
«— Ты, поди, ещё мышкуешь...»	53
«— Ты поставь его обиду...»	54
«По-осеннему промозглым...»	55
К выборам в Земство	56
«— Уж не знаю, как случилось...»	57
«— Потому, как мне приснилась...»	58
«— Снег и оттепель, как если б...»	59
«Не ищи, когда не знаешь...»	60
«— По путям идти Господним...»	61
«— Будет и тебе, расстрига...»	62
«— Что содеяно по Слову...»	63
«— Закружила, завертела...»	64
«Слушай, дьякон что поведал...»	65
«— Без Творца нету начала...»	66
«— Нам пунктирного обзора...»	67

«— Ситный, обрати вниманье...»	68
В дурачка	69
«Почему-то не хотелось...»	70
«— Запрокинулась от смеха...»	71
«— Так и будет всё по Слову...».....	72
«— Разумей, Иван: вот счастье...»	73
«— Хоронись, а ум не спрячь...».....	74
Послесловие к	75
«— Ситный, ты знавал Хамона?».....	76
«Ну, так что, моя отрада...».....	77
«— И захочешь, не укусишь...»	78
«— Если кто, когда захочет...»	79
«— Не считаем километры...»	80
От Розанова до Розова	81
«— Жить, Иван, без полномочий...».....	82
«— Как назло и снега много...»	83
«— Мир утоп в “большой помойке”...».....	84
«— Что ни день, то угрызенье...»	85
«— Жить, Иван, поди, осталось...»	86
«Почему ты болела...»	87
«— Не замалчивай бездарность...».....	88
«— Ситный, посмотри: чем ближе...».....	89
«— Ты, Иван, взгляни на город...»	90
«В свете не бывает худа...»	91
«Без наследья нет и части...»	92
«— Честь не смолоду бы надо...»	93
«— Нам бы выйти на раздолье...»	94
«По причине жарких прений...»	95
«— Знаешь? Пономарь наш спился...»	96
«— Худо, друг мой! Не случилось...»	97
«— Как не прячь язык, а всё же...»	98
«— Потому ты и железный...».....	99
«— Вот на том и порешили...»	100
«— Слышал? Китеж стал отныне...».....	101

В тридевятом царстве	102
«Эх, землянка в три наката...»	103

Иван Сатонин

Хлеб наш насущный
Стихотворения

Корректор *Е. С. Меньшенина*
Вёрстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 02.07.12 г.
Гарнитура «Палатино Линотайп».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/32. Объем 4,38 усл.-печ. л.

Заказ № 71.
Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.